

Таким образом, ведущими методами в работе психолога с заключенными-членовредителями должны стать психодиагностика, индивидуальный подход, беседа, установление доверительных отношений, игры и тренинги. Проведение любой психокоррекционной техники в целях установления глубокого доверия между психологом и осужденным следует начинать с установления раппорта с помощью нейролингвистического программирования. Владение его навыками позволит выявлять ведущую систему восприятия информации осужденным (визуальную, аудиальную или кинестетическую) и выбирать на ее основе оптимальную форму воздействия на собеседника. Среди методов психологической коррекции предпочтение должно быть отдано сеансам психологической разгрузки и обучению саморегуляции, арттерапии, работе по изменению ограничивающих убеждений А. Бека, клиент-центрированной терапии К. Роджерса и рационально-эмотивной психотерапии А.Эллиса.

Литература:

1. Аверин А.А. Клинико-психологические аспекты хирургии инородных тел желудочно-кишечного тракта у лиц, пребывающих в условиях пенитенциарной системы. Дисс. ... канд. мед. наук. – Ярославль. – 2006. – 142 с.
2. Волков В.Н. Медицинская психология в ИТУ. М., Юрид.лит., 1982, 256с.
3. Джеффрис Дж. Мы здесь занимаемся тем, что разряжаем бомбы. Психодрама с закоренелыми преступниками» /Психодрама: вдохновение и техника. Под ред. П. Холмса и М. Карп. М., Класс, 2000. – с. 1197-215.
4. Лестер Д., Данто Б.Л. Самоубийство за решеткой. Рязань, Стиль, 1994. 117с.
5. Психокоррекционные технологии в работе пенитенциарного психолога. Сборник материалов психологов уголовно-исполнительной системы. Ч.1 /Под ред. Иноземцева В.С. М.- Владивосток, ОПС ГУИН Минюста России, НИИ УИС, МПЛ ГУИН Минюста России по приморскому краю, 2005, 173с.

Два аспекта одиночества: эмпирический анализ «Структура и диагностика личностного потенциала»*

*Салихова А. Ж., Леонтьев Д. А., Осин Е. Н.,
г. Москва, МГУ*

Одиночество является одной из актуальных проблем современного человека. Развитие электронных средств общения, таких как мобильная связь и Интернет, с одной стороны, позволяет человеку не утрачивать контакт с другими людьми, где бы он ни находился; с другой стороны, электронное общение зачастую носит поверхностный, информационный характер и не связано с эмоциональной включённостью, опущением присутствия собеседника. Общее возрастание количества социальных контактов не ведёт к улучшению их «качества» – глубины; на близкие, глубокие межличностные отношения у людей остаётся всё меньше времени. Обилие информации, которая ежедневно по разным каналам обрушивается на каждого человека, создаёт иллюзию связанности с другими людьми, но не ведёт к преодолению эмоциональной изоляции.

Парадоксальным образом, оставаясь одиноким, современный человек практически лишён уединения. Информационный поток не только мешает ему побыть наедине с самим собой, встретиться с собственной глубиной, но часто становится средством к «бегству от одиночества». Телевидение и Интернет, задуманные как средства коммуникации, стали частью индустрии развлечений, которая помогает людям

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 06-06-00149а

заполнять своё свободное время и избегать встречи с переживанием изоляции, отчуждения от других людей. Между тем, как отмечал П. Тиллих (Tillich, 1963), одиночество может победить лишь тот, кто способен вынести уединение.

Некоторые авторы (Садлер и Джонсон, 1989; Rokach, 2004) на основании эмпирических исследований рассматривают одиночество в первую очередь как негативный феномен, болезненное для человека переживание, вызывающее аномии и депрессии, снижающее качество жизни. С другой стороны, многие теоретики и практики в области личности (К. Г. Юнг, Э. Фромм, Дж. Бьюджентал, С. Мадди, Ф. Перлз и др.) отмечают, что развитие личности необходимо связано с признанием и принятием человеком фундаментального факта собственного одиночества, отдалённости от других людей, и избегание встречи со своим одиночеством оказывается для человека избеганием встречи с самим собой. Подобная встреча с самим собой может произойти только в одиночестве, понимаемом как уединение, погружение в себя, созерцание, ценность которого для человека также подчёркивают многие авторы (К. Ясперс, М. Бубер, П. Тиллих, К. Юнг, А. Маслоу, И. Ялом, Ошо, Б. Мюскович, А. Лэнгле, Э. Лукас и др.). Кратко сформулировал это М. К. Мамардашвили (1990): «То, что я есть, если вам это интересно, – это продукт лишь молчания и одиночества».

Таким образом, одиночество предстаёт перед нами в двух противоречивых аспектах. Негативный аспект одиночества – болезненное переживание нехватки близких отношений, понимания – мы назовём социальным одиночеством. Позитивный аспект одиночества – готовность или способность к уединению, понимаемому как условие личностного роста, творческой активности – мы назовём позитивным, или экзистенциальным одиночеством. Различие между этими видами одиночества состоит не только в их феноменологической эмоциональной окраске, но и в сознательном отношении человека к ним: в первом случае одиночество рассматривается как нехватка чего-то необходимого, препятствующая росту, во втором – как возможность, способствующая росту. Общим для двух видов одиночества является их поведенческий аспект, заключающийся в снижении количества контактов с другими людьми и степени участия в социальных группах и мероприятиях, благодаря чему термин «одиночество» остаётся применимым к обоим феноменам.

Эмпирическому разделению двух описанных феноменов было посвящено исследование, проведённое нами на выборках студентов Института современных искусств (N=39) и юридического факультета Московского института экономики, менеджмента и финансов (N=37), одинаковых по возрастному и половому составу.

В качестве основных методик мы использовали известную шкалу одиночества UCLA Д. Рассела (1989) и находящуюся в процессе разработки шкалу экзистенциального одиночества (ШЭО) Л. В. Мельник (2004). Мы предположили, что шкала UCLA измеряет в большей мере глубину переживания одиночества и изоляции, которое испытывает человек (социальное одиночество), тогда как шкала экзистенциального одиночества измеряет в большей мере отношение к одиночеству как к позитивному феномену. В проведенном на студентах исследовании Л. В. Мельник (2004) обнаружилась близкая к нулю корреляция между ее шкалой экзистенциального одиночества и шкалой Рассела.

Дополнительными методиками, использованными в исследовании, выступали: шкала субъективной удовлетворённости Э. Динера, шкала общей оценки счастья С. Любомирски, тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева и шкалы психологического благополучия К. Рифф в адаптации Т. Д. Шевеленковой и П. П. Фесенко. Использовались также две методики, проходящие процесс апробации русскоязычных версий: опросник профиля социальной желательности BIDR (Paulhus &

Reid, адаптация Е. Н. Осина на основе перевода С. Лебедева) и опросник отчуждения С. Мадди (адаптация Е. Н. Осина).

Помимо перечисленных методик, испытуемые заполняли также короткую анкету, вопросы которой касались демографических переменных, предположительно релевантных переживанию одиночества, таких как наличие сиблингов и полнота родительской семьи (полная/неполная/не родительская).

Обе шкалы одиночества показали хорошую внутреннюю согласованность на общей выборке ($N=76$). В шкале UCLA работающими оказались 18 пунктов из 20 ($\alpha = 0.89$), в ШЭО – 20 пунктов из 21 ($\alpha = 0.85$). Однако дивергентная валидность шкал оказалась невысокой, в связи с чем был сделан вывод о том, что в обеих методиках в различном соотношении присутствуют пункты, работающие как на конструкт экзистенциального одиночества, так и на конструкт социального одиночества. Была проведена совместная факторизация пунктов обоих опросников, при которой выделились два фактора, содержательно соответствующие позитивному (экзистенциальному) и социальному одиночеству. Поскольку в методике UCLA используется 4-балльная, а в методике ШЭО – 3-балльная шкала, перед суммированием сырые баллы стандартизировались по каждому пункту.

Полученные в результате шкалы также оказались хорошо согласованными: шкала негативного (социального) одиночества – 12 пунктов (из них 9 – из шкалы UCLA), $\alpha = 0.86$, шкала позитивного (экзистенциального) одиночества – 12 пунктов (из них 11 – из ШЭО), $\alpha = 0.84$. Если корреляция между шкалой UCLA и ШЭО составила $r = 0.72$ ($p < 0.01$), то между выделенными нами «очищенными» шкалами социального и позитивного одиночества она оказалась ниже: $r = 0.46$ ($p < 0.01$).

Ряд пунктов были связаны одновременно с обоими факторами, что позволило нам выделить также неспецифическую шкалу общего одиночества, однако результаты, полученные с помощью этой шкалы, не дают дополнительной информации к представленной ниже и потому не рассматриваются.

Обе производные шкалы одиночества показали отрицательные корреляции со шкалами субъективной удовлетворенности и счастья: $r = -0.42$ и $r = -0.43$, соответственно, для социального одиночества, $r = -0.31$ и $r = -0.37$ для экзистенциального (все $p < 0.01$). Со шкалами компетентности и принятия себя методики К. Рифф также отрицательно коррелируют обе шкалы одиночества: $r = -0.45$ и $r = -0.39$ ($p < 0.01$), соответственно, для экзистенциального одиночества, $r = -0.40$ ($p < 0.01$) и $r = -0.25$ ($p < 0.05$) для социального.

Обе шкалы оказались значимо отрицательно ($p < 0.01$) связаны с наличием позитивных взаимоотношений по К. Рифф, однако для социального одиночества эта связь оказалась более сильной ($r = -0.68$ против $r = -0.30$ у позитивного одиночества). Однако только шкала социального одиночества показала значимые отрицательные корреляции с общим показателем осмысленности жизни по тесту СЖО ($r = -0.33$, $p < 0.01$), шкалами осмысленности жизни ($r = -0.29$, $p < 0.05$) и личностного роста К. Рифф ($r = -0.27$, $p < 0.05$), а также с 5 из 10 шкал опросника отчуждения (все $p < 0.01$). Вероятно, склонность к уединению, в отличие от социального одиночества, не связана со снижением осмысленности жизни и отчуждением.

Обе шкалы одиночества слабо отрицательно коррелируют со шкалой отрицания нежелательных переживаний BIDR ($p < 0.05$). Интересно, однако, что только шкала позитивного одиночества показала высоко значимую отрицательную корреляцию ($r = -0.51$, $p < 0.01$ по сравнению с $r = -0.15$ у социального одиночества) со шкалой самообмана BIDR, которая измеряет склонность человека к приписыванию себе социально одобряемых достоинств. Либо склонность к уединению, будучи состоянием выбранным, а не вынужденным, выглядит в глазах испытуемых ещё менее социально

одобряемой, чем «обычное» одиночество, либо склонные к выбору уединения люди в меньшей степени озабочены тем, как их воспринимают другие.

Таким образом, обе формы одиночества оказываются отрицательно взаимосвязанными с показателями психологического благополучия, однако для социального одиночества эта связь в целом выше, особенно с показателями осмысленности жизни (смыслоутраты) и личностного роста. Заметим, что некоторая часть дисперсии по шкалам психологического благополучия объясняется самообманом: практически все они значимо положительно коррелируют со шкалой самообмана VIDR. При условии контроля этого эффекта социальной желательности (путём расчёта частичных корреляций) все значения отрицательных корреляций шкалы экзистенциального одиночества со шкалами психологического благополучия уменьшаются по модулю и становятся незначимыми, а корреляции шкалы социального одиночества остаются неизменными.

Взаимосвязь демографических переменных с показателями психометрических шкал проверялась с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни. На вопрос о наличии сиблингов утвердительно ответили 50 респондентов (66% выборки), однако значимые различия между подгруппами имеющих и не имеющих сиблингов были обнаружены только по шкале автономии К. Рифф: у имеющих сиблингов она оказалась несколько ниже ($Z = 2.19, p < 0.05$).

Отвечая на вопрос о полноте семьи, только 16 респондентов отметили, что выросли в неполной и 1 – не в родительской семье (в сумме 22% выборки). Подгруппа испытуемых, выросших в неполной/не родительской семье, характеризовалась более высоким уровнем экзистенциального одиночества ($Z = 2.30, p < 0.05$) при отсутствии различий в уровне социального одиночества ($Z = 0.85$), а также более высоким уровнем отчуждения от семьи ($Z = 2.55, p < 0.05$) и от собственной личности ($Z = 2.27, p < 0.05$). Кроме того, у выросших в неполной/не родительской семье были обнаружены тенденции к более низкому уровню удовлетворённости жизнью ($Z = 1.95, p = 0.05$) и счастья ($Z = 1.80, p = 0.07$), а также к более высокому уровню отчуждения по 4 другим шкалам опросника отчуждения ($Z = 1.8..1.9, p = 0.06..0.07$).

Полноценная проверка взаимосвязи полноты семьи и переживания одиночества требует дальнейших исследований. Можно предположить, что взрослые, выросшие в неполной семье, актуально не склонны чувствовать себя одинокими сильнее, чем их сверстники, выросшие в полных семьях, однако опыт нехватки или утраты одного из родителей, пережитый ими в более ранние периоды, помог им прийти к позитивному переосмыслению одиночества. Следует заметить, что подобное деление семей на полные и неполные является довольно грубым и несёт долю субъективности: люди, чья родительская семья не всегда была неполной, вынуждены решать, к какой категории себя отнести. Можно предположить, что развод родителей повлияет на переживания ребёнка и его отношение к одиночеству в дальнейшем иначе, чем, например, смерть одного из родителей или иной травматический опыт сепарации, и что вероятность позитивного переосмысления этого опыта будет определяться как тем, на какой период онтогенеза он пришёлся, так и особенностями личности человека, пережившего его.

Интересными оказались также результаты сравнения двух подвыборок с помощью t-критерия Стьюдента. Студенты ИСИ показали более высокий уровень экзистенциального одиночества, чем студенты-юристы МИЭМП ($t = 3.29, p < 0.01$) при отсутствии значимых различий по шкале социального одиночества ($t = 0.21$). Студенты ИСИ также отличаются несколько более высоким уровнем осмысленности жизни по шкале смысла жизни К. Рифф ($t = 2.21, p < 0.05$) и субшкалам «Процесс» и «Цели» СЖО ($t = 2.34$ и $t = 2.09, p < 0.05$), а также несколько более низкой склонностью к самообману ($t = -2.29, p < 0.05$).

Наиболее существенным содержательным различием между подвыборками оказался характер взаимосвязи шкал одиночества с общим показателем осмысленности жизни по тесту СЖО. У юристов эта взаимосвязь оказалась значимой отрицательной ($r = -0.56$, $p < 0.01$ для социального одиночества, $r = -0.52$, $p < 0.01$ для позитивного одиночества), тогда как у студентов ИСИ она оказалась незначимой ($r = -0.16$ и $r = -0.17$, соответственно). Эти данные согласуются с идеями о том, что творчеству способствует «осознанное уединение» (Tillich, 1963), занятия творческой деятельностью связаны с принятием факта собственного одиночества, которое, даже если первоначально является вынужденным и переживается как утрата, впоследствии наполняется позитивным смыслом (Storr, 1988/2005). Возможно, что у студентов творческих специальностей смысл жизни в меньшей степени связан с межличностными отношениями (и в большей степени – с занятиями творчеством, которые требуют уединения), чем у юристов. Интересно, однако, что в нашей выборке среди студентов ИСИ доля выросших в неполной/не родительской семье оказалась несколько больше, чем среди студентов МИЭМП (28% против 16%), и хотя при данном объеме выборки эти различия не являются статистически значимыми ($p = 0.21$), они приводят к интересным гипотезам о каузальном характере взаимосвязей между ранним опытом утраты, позитивным отношением к одиночеству и творческой мотивацией.

Результаты нашего пилотажного исследования свидетельствуют в пользу того, что социальное (негативное) и экзистенциальное (позитивное) одиночество представляют собой независимые конструкты, которые могут быть достаточно четко психометрически дифференцированы. Полученные нами предварительные данные дают основания для дальнейшей разработки валидных средств измерения этих конструктов.

Эта работа, однако, только начата. В частности, стоит задача разведения «одиночества от» и «одиночества для»: «С одной стороны, некоторые люди предпочитают уединение из желания уклониться или уйти от социальных взаимодействий. Их можно выявить с помощью шкал, измеряющих такие характеристики как застенчивость или социальная тревожность. С другой стороны люди нередко предпочитают уединение социальным взаимодействиям, поскольку они ценят преимущества уединения» (Burger, 1995, pp. 89-90). Это позволит дифференцировать более широкое понятие позитивного одиночества, охватывающее любой выбор или предпочтение уединения, и его частный случай – собственно экзистенциальное одиночество, которое характеризуется рефлексивным внутренним диалогом как определенным содержательным наполнением этого уединения.

Литература:

1. Мамардашвили М. К. Одиночество – моя профессия.
<http://www.mamardashvili.ru/index.php?texts/interwiev/odinochestvo.htm>
2. Мельник Л. В. Переживание чувства экзистенциального одиночества у юношей с высоким уровнем креативности // Известия ТулГУ. Серия. Психология. Вып. 4. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2004. С. 330–335.
3. Рассел Д. Измерение одиночества // Лабиринты одиночества: пер. с англ. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. С. 192–226.
4. Садлер У., Джонсон Т. От одиночества к аномии // Лабиринты одиночества: пер. с англ. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. С. 21–51.
5. Burger, J. M. Individual Differences in Preference for Solitude // Journal of Research in Personality, 29, 1995, 85-108.

6. Rokach, A. Loneliness Then and Now: Reflections on Social and Emotional Alienation in Everyday Life // *Current Psychology: Developmental, Learning, Personality, Social*, 2004, Vol. 23, No. 1, pp. 23–40.
7. Storr, A. *Solitude: A Return to the Self*. New York: Free Press, 2005.
8. Tillich, P. *The Eternal Now*. New York: Paul Scribner's Sons, 1963. и др.

Деформация доверительных отношений как фактор дезадаптации личности

Скрипкина Т.П.,

г. Ростов-на-Дону, РГУ

Доверие как относительно самостоятельный психологический феномен «присутствует» во всех сферах жизни человека. Оно как бы «проникает» во все, с чем человек сталкивается, соприкасается, взаимодействует в своей жизни, а потому от наличия или отсутствия доверия в процессе взаимодействия человека с миром, во многом зависит и само наличие взаимодействия, и результат этого взаимодействия. Данное допущение позволило нам интерпретировать взаимоотношения людей как частный случай отношения человека с миром.

В работах разных лет нами было показано, что смысл и сущность доверия и доверительных отношений до конца «не схватываются», при анализе доверия с точки зрения нравственной категории морали, как это принято в этике. Недостаточным является и ограничение только социально-психологическим контекстом, внутри которого доверие рассматривается как фоновое условие существования ряда других социально-психологических явлений, таких как дружба, авторитетность, самораскрытие и т.п. Глубинная, собственно психологическая сущность доверия, ограничиваемая описанием лишь наиболее ярко проявляемых феноменологических характеристик, постоянно «ускользает», «утопая» в других феноменах межличностного взаимодействия, выступая лишь как фоновое условие их существования, оставаясь в результате не выявленной.

При построении модели доверительных отношений мы исходили из следующих основных гипотетических предположений. В социально-психологическом плане доверие представляет собой самостоятельный вид двухполюсной установки-отношения, сущность которой представлена соотношением меры доверия к миру и меры доверия к себе. При этом человек постоянно стремится соответствовать как условиям, предоставляемым миром, так и собственным ценностным представлениям о себе. Стратегия его поведения заключается в том, чтобы постоянно снимать противоречие между условиями, предоставляемыми миром и своими ценностными представлениям о себе, а также своим собственным потребностям, желаниям, интенциям и т.п. При этом можно выделить два типа или два способа, посредством которых человек может стремиться к устранению возникшего несоответствия себя миру: он может либо увеличить уровень доверия к себе, либо — уровень доверия к миру. При увеличении уровня доверия к себе (что означает повышение значимости, ценности собственной субъектности, субъективных собственных переживаний), мы имеем неадаптивные формы активности, связанные с риском, творческой инициативой. При успешном исходе такого поведения, результатом такой активности является автоматически происходящее увеличение уровня доверия и к себе и к миру. Если же человек первоначально увеличивает доверие к миру (повышает значимость, ценность условий, предоставляемых миром), это ведет к отчуждению от собственных желаний, потребностей, целей и т. п., то есть к отчуждению собственной субъектности. Результатом такого пути обретения соответствия является уменьшение уровня доверия к себе и, соответственно, к миру. Однако, и в том и в другом случае, человек получает желаемое соответствие себя миру.

ББК 88+88.8+8

Д

УДК 15+371.015+378

Рекомендовано к печати Советом Академии имиджелогии (протокол №1 от «15» сентября 2006 года).

Общение – 2006: на пути к энциклопедическому знанию: Материалы конференции 19-21 октября 2006. Психологический институт РАО. – М.: Академия имиджелогии, 2006. – 564 с.

Ответственный за выпуск:

А.А.Бодалев, академик РАО, д-р психол. н., проф.

Редакционная коллегия:

Н.В.Волкова, к. психол. н.; Л.А.Карпенко, к. психол. н.; Н.Л.Карпова, д-р психол. н., проф.; В.А.Лабунская, д-р психол. н., проф.; Т.И.Пашукова, д-р психол. н., проф.; Е.А.Петрова, д-р психол. н., проф.; Т.П.Скрипкина, д-р психол. н., проф.; Н.Д.Творогова, д-р психол. н., проф.; Л.Б.Филонов, д-р психол. н., проф.; И.Б.Ханина, к. психол. н., доц.

Сборник статей, посвященных Международной конференции «Общение – 2006: на пути к энциклопедическому знанию», содержит информацию и освещает современное состояние научных исследований философско-методологических, психолого-педагогических, лингво-дидактических и других аспектов общения, осуществленных как в России, так и за ее пределами. Большая часть материалов сборника выполнена в рамках общей и социальной психологии. Они представляют интерес не только для ученых разных направлений, но и могут быть полезны тем специалистам, чья профессия связана с общением и взаимодействием с людьми, а также всем, кто интересуется особенностями разных видов и типов общения.

Сборник издан при поддержке РГНФ, грант № 06-08-00171а

© Психологический институт РАО, 2006

© Академия имиджелогии, 2006